18+

Садуллоев Шермухаммад

Список того, что мы не сказали

Шермухаммад Садуллоев
Список того, что мы не сказали

https://litres.ru/74986863
ISBN 9785007181068

Аннотация

Пятеро университетских друзей. Двадцать лет ежегодных встреч. Десятки воспоминаний, невысказанных признаний и тайн, которые постепенно меняют их жизни.

Кирилл всю жизнь наблюдает за друзьями и записывает их истории в блокнот, но так и не решается рассказать собственную. Пока однажды прошлое не возвращается, заставляя каждого столкнуться с тем, о чём они предпочитали молчать.

Это роман о дружбе, любви, потере и словах, которые иногда слишком поздно становятся услышанными.

Содержание

Глава 1. Первая встреча 5
— — Глава 2. Как мы встретились 22
— — Глава 3. Вторая встреча 33
— — Глава 4. Блокнот 50
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Список того, что мы не сказали

Шермухаммад Садуллоев

© Шермухаммад Садуллоев, 2026

ISBN 978-5-0071-8106-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Первая встреча

Октябрь 2002 года выдался холодным — не по календарю, а по ощущению. Москва стояла серая, промытая дождями, с мокрыми листьями, прилипшими к асфальту, как конфетные обёртки. Ветер гонял их по Тверской, срывал с деревьев последнее и швырял в лица прохожим. Люди шли, втянув головы в плечи, и никто не улыбался.

Лёша Воронов пришёл в «Пушкин» в двадцать минут седьмого — за сорок минут до назначенного времени. Он всегда приходил раньше — не потому, что боялся опоздать, а потому, что не мог сидеть дома, когда должно было случиться что-то важное. А эта встреча была важной. Он сам её придумал. Он сам всех собрал.

Лёша стоял в дверях, мял в руках кожаные перчатки и смотрел на часы. Без десяти семь. Он сказал всем в семь.

Дима опоздает — это можно было не проверять. Марина придёт минута в минуту: она не позволяла себе опаздывать, это было ниже её достоинства. Света появится за пять минут и потопчется на улице, потому что не решится войти первой. Кирилл будет ровно в семь — не раньше и не позже, — потому что делал всё правильно даже тогда, когда в этом не

было нужды.

Это были не тайны. Это были привычки. Лёша знал их наизусть — и, если честно, любил именно за них.

«Пушкин» он выбрал не из-за кухни, хотя кухня была хорошая. Ему хотелось места, где они почувствуют себя взрослыми. Полтора года назад они окончили университет. Полтора года — а казалось, что прошло больше: у всех уже была работа, у всех уже были усталые лица по вечерам. Лёша надеялся, что сегодня они хотя бы на один вечер перестанут быть усталыми.

Без пяти семь в дверях появился Кирилл — в сером пальто, великоватом в плечах, с потертыми локтями. Он носил его ещё с четвёртого курса и, судя по всему, не собирался менять.

— Лёш, ты чего в дверях стоишь? Пустишь?

— Ты рано, — сказал Лёша, отступая.

— На пять минут.

— Ты всегда на пять минут.

— Я пунктуальный.

— Ты предсказуемый.

Кирилл улыбнулся уголком рта — так, будто ему было приятно, но он не хотел это показывать.

Они сели у окна. Лёша поправил салфетки — не потому, что те лежали криво, а потому, что не умел сидеть без дела. Кирилл снял пальто, повесил на спинку стула и достал из кармана блокнот. Маленький, в клетку, с загнутыми уголками.

— Опять? — спросил Лёша.

— Что опять?

— Блокнот.

— А что с ним не так?

— Ничего. Просто ты как журналист.

— Я редактор.

— Ещё хуже.

Кирилл не ответил. Открыл блокнот, провёл пальцем по странице, закрыл. Лёша не стал спрашивать, что он там пишет: Кирилл не любил говорить о себе. За шесть лет знакомства Лёша усвоил это твёрдо.

— Как мама? — спросил Кирилл.

— Нормально. Спрашивает про тебя.

— Врёшь.

— Вру. Она спрашивает, когда ты женишься.

— Передай, что никогда.

— Я передаю. Она не верит.

Кирилл усмехнулся и посмотрел в окно. За стеклом моросил дождь — мелкий, осенний, безнадёжный. Улица блестела, как смазанная маслом.

— Думаешь, все придут? — спросил он.

— Конечно.

— Даже Дима?

— Дима опоздает минут на двадцать, но придёт. Ему же надо рассказать, как он всех достал на работе.

Кирилл покачал головой, но спорить не стал.

Ровно в семь вошла Марина. Быстро, уверенно, будто это она здесь работала и пришла проверить, всё ли на месте. Чёрное платье, красная помада. Красота, которую замечаешь не сразу, а потом — когда перестаёшь смотреть на других.

— Привет, мальчики, — сказала она, садясь. — Лёша, ты опять всё организовал?

— Кто-то должен.

— Ты невыносим.

— Я знаю.

Она заказала бокал вина, не глядя в меню. Кирилл посмотрел на неё — коротко, будто случайно, — и снова уткнулся в блокнот. Что-то записал. Лёша заметил, но промолчал.

Прошло минуты три. У входа мелькнула знакомая серая кофта — и исчезла. Лёша проследил взглядом: Света стояла на улице, у витрины, делая вид, что изучает меню. Потом всё-таки толкнула дверь и вошла.

— Привет, — сказала она, подходя. — Извините, я опоздала.

— Ты не опоздала, — сказал Лёша. — Ты вовремя.

— Я думала, вы уже начали.

— Мы ждём Диму.

— А.

Она села рядом с Кириллом. Не слишком близко, но и не далеко. Просто рядом. Кирилл кивнул ей, она кивнула в ответ — и всё. Но Лёша заметил, как он чуть отодвинул свой стул, чтобы ей было удобнее. Света этого не заметила. Или сделала вид.

Дима появился в двадцать минут восьмого. Вошёл шумно, стряхивая с пальто невидимые капли, и сразу заговорил:

— Извините, пробки. Я стоял на Тверской двадцать минут. Двадцать! Мог пешком дойти быстрее. Но не пошёл, по-

тому что в ботинках. А в ботинках по лужам — это не прогулка, это испытание.

— Ты мог надеть другие ботинки, — сказала Марина.

— У меня нет других ботинок. У меня есть эти и кроссовки. А в кроссовках в «Пушкин» не пускают.

— В «Пушкин» не пускают?

— Я проверял.

Он заказал виски, хотя все пили вино. Лёша подозревал, что Дима не любит виски, но заказывает его, потому что это выглядит взросло.

— Ну что, — сказал Дима, поднимая бокал. — За нас. За то, чтобы не потерялись.

— Мы не потеряемся, — сказал Лёша. — Я не позволю.

— Ты не позволишь? — Марина усмехнулась. — Лёша, ты не можешь контролировать всё.

— Могу. Я же собрал вас здесь.

— Это не контроль. Это упрямство.

— Это любовь.

Он сказал это просто, без пафоса, и на секунду за столом стало тихо. Потом Дима засмеялся, и все засмеялись, и момент прошёл. Кирилл что-то записал в блокнот. Лёша снова сделал вид, что не заметил.

Говорили о работе. Дима рассказывал, как придумал слоган для новой кампании и как начальник сказал, что это гениально, хотя на самом деле это было не гениально, а просто нормально. Марина рассказывала про издательство: про авторов, которые считают свой текст священным писанием, и про редакторов, которые считают священным писанием свои правки. Лёша рассказывал про школу — про детей, которые не читают, и про то, как он пытается их заставить, и про то, что иногда получается.

Кирилл говорил мало. Слушал. Иногда записывал — коротко, одной строкой. Света сидела рядом и тоже молчала, но время от времени вставляла что-нибудь точное — так, что все на секунду замолкали и смотрели на неё с удивлением: откуда она это взяла?

— Кирилл, ты опять пишешь? — спросила Марина.

— Да.

— Что ты пишешь?

— Всякое.

— Что всякое?

— Ты сказала: «Я не пыталась его перевоспитать». Записал.

— Зачем?

— Чтобы помнить.

— Ты и так помнишь.

— Я помню по-своему. А записываю по-другому.

Марина посмотрела на него — долго, внимательно. Кирилл не отвёл глаз. Он смотрел так, будто ждал, что она скажет что-то ещё. Но она ничего не сказала. Отвернулась и заказала ещё вина.

— А помните, — сказал Дима, — как мы сидели в этой

аудитории на четвёртом этаже, и там было холодно, как в склепе?

— Это была аудитория имени Достоевского, — сказала Марина.

— Она была имени холода.

— Ты всегда мёрз.

— Я всегда мёрз, потому что ты открывала окно.

— Я открывала окно, потому что ты курил.

— Я не курил в аудитории.

— Ты курил в окно.

— Это разные вещи.

— Это одно и то же.

Они спорили легко, без злобы, как будто играли в игру, в которую играли много лет. Лёша смотрел на них и улыбался. Он любил эти споры — в них было что-то живое, чего не бывает, когда люди просто вежливо молчат.

— А помнишь, — сказал он, — как Кирилл на первом курсе сказал на семинаре, что Достоевский — «переоценённый автор», и преподаватель чуть не убил его?

— Я не говорил «переоценённый», — сказал Кирилл. — Я сказал «сложный».

— Ты сказал «переоценённый».

— Я сказал «сложный».

— Ты сказал «переоценённый», и преподаватель сказал: «Молодой человек, вы или гений, или идиот». А ты сказал: «Я редактор».

— Я сказал: «Я читатель».

— Ты сказал: «Я редактор». И все засмеялись.

— Я тогда ещё не был редактором.

— Ты был редактором в душе.

Кирилл покачал головой, но улыбнулся. Когда он улыбался, лицо становилось моложе — будто с него снимали маску.

Света тоже улыбнулась. Тихо, почти незаметно, но Лёша заметил.

— А помнишь, — сказала она, — как мы готовились к древнерусской литературе, и Дима всё время говорил: «Я не понимаю, зачем нам это надо, мы же не в монастыре»?

— Я до сих пор не понимаю, — сказал Дима.

— Ты сдал на пять.
— Я сдал на пять, потому что ты мне всё объяснила.

— Я тебе не объясняла. Я тебе рассказала.

— Это одно и то же.

— Это разные вещи.

— Это одно и то же.

Засмеялись все — даже Кирилл, даже Света. Марина громче всех, будто пыталась заглушить что-то внутри себя.

Лёша поднял бокал.

— За нас. За то, чтобы всегда находили время.

— Мы найдём, — сказала Марина.

— Ты не можешь обещать, — сказал Кирилл.

— Я могу обещать. Я обещаю.

— Ты обещаешь каждый год.

— И каждый год выполняю.

Кирилл посмотрел на неё. Она посмотрела на него. Между ними что-то прошло — невидимое, как ток. Лёша это почувствовал. Света, кажется, тоже — она вдруг стала очень внимательно рассматривать салфетку. Дима на секунду замолчал, посмотрел на них и заказал ещё виски.

— Ладно, — сказал он. — Хватит сентиментальностей. Кто что читал в этом месяце?

Они говорили о книгах — всегда говорили о книгах. Это была их общая территория: то, что связывало их до работы, до взрослой жизни, до всего. Спорили о Набокове, соглашались насчёт Булгакова, смеялись над Коэльо. Они были дома.

К десяти ресторан почти опустел. Официанты начали убирать соседние столики, поглядывая на них с вежливым нетерпением. Лёша предложил ещё по одной, но Марина сказала, что пора. Дима сказал, что проводит её. Она сказала, что не нужно. Он сказал, что нужно. Она сказала, что он пьян. Он сказал, что не пьян. Она сказала, что он всегда так говорит. Он сказал, что она всегда так говорит. Они вышли вместе, продолжая спорить.

Света надела пальто, попрощалась и вышла следом. Кирилл остался сидеть. Лёша тоже.

— Ты не идёшь?

— Сейчас.

— Ты всегда говоришь «сейчас».

— Потому что это правда.

Лёша посмотрел на него. Кирилл смотрел в блокнот. Что-то писал. Лёша не видел что.

— Тебе хорошо? — спросил он.

Кирилл поднял глаза. Вопрос его не удивил — он вообще

редко удивлялся.

— Не думал об этом.

— Подумай.

Кирилл закрыл блокнот, положил в карман, посмотрел в окно. За стеклом было темно, и дождь всё ещё шёл.

— Не знаю, — сказал он. — А ты?

— Мне хорошо, когда мы все вместе.

— Это не то же самое.

— Это лучше.

Кирилл покачал головой. Встал, надел пальто. Вышли на улицу. Дождь почти кончился — осталась морось, висевшая в воздухе, как пыль.

— Спасибо, — сказал Кирилл.

— За что?

— За то, что собрал.

— Я всегда собираю.

— Знаю. Спасибо.

Он пошёл к метро. Лёша смотрел ему вслед, пока он не исчез за углом. Потом достал телефон.

— Мам. Всё прошло хорошо. Да. Все пришли. Да, даже Дима. Нет, я не пил. Почти. Ладно, пил. Но немного.

Он улыбнулся, повесил трубку и пошёл домой.

Кирилл дошёл до перехода и остановился под фонарём. Достал блокнот, открыл на последней странице. Между записями о том, кто что заказал и кто во сколько пришёл, он дописал одну строку:

«Она сказала: „Я обещаю“. Она всегда обещает».

Он не записал, что почувствовал. Он никогда не записывал, что чувствовал.

Света вышла из ресторана раньше и шла медленно, не желая возвращаться домой. У перехода она увидела знакомую фигуру под фонарём — и остановилась. Он стоял с ручкой

в руке, дождь блестел на его пальто. Она не окликнула его. Постояла немного на другой стороне улицы, потом повернулась и пошла к метро.

Дождь кончился. Она не заметила.

— — Глава 2. Как мы встретились

Сентябрь 1996 года был тёплым — таким, когда Москва ещё не сдалась осени и деревья стояли зелёные, будто не знали, что скоро всё изменится. Ветер был мягкий, без той злой сырости, что придёт через месяц. На газонах у МГУ ещё лежала трава, и первокурсники ходили по ней, не веря, что теперь они здесь — надолго, по праву.

Кирилл пришёл на первый семинар по русской литературе за двадцать минут до начала. Аудитория на четвёртом этаже была холодной — окна старые, рамы рассохлись, из щелей дуло. Он сел на третий ряд у окна, достал тетрадь и положил её на парту. Тетрадь была новая, с чистыми страницами, и он не знал, что на них появится.

Студенты входили по одному, по двое, рассаживались, знакомились, шумели. Кирилл ни с кем не заговаривал. Он наблюдал — как они одеты, как держатся, кто с кем пришёл. Он всегда так делал: сначала смотрел, потом решал, стоит ли подходить. Чаще всего не подходил.

Преподаватель — пожилой мужчина в очках с толстыми линзами и в пиджаке, который знал лучшие дни, — вошёл ровно в девять. Он представился: профессор Троицкий, ка-

федра русской литературы. Он говорил медленно, будто читал лекцию по бумажке, которую потерял много лет назад.

— Достоевский, — сказал он, — это не просто писатель. Это явление. Это наша национальная идея, выраженная в художественной форме.

Кирилл слушал. Он любил Достоевского — не за «национальную идею», а за то, как тот писал о людях, которые не умеют быть счастливыми. Он уже прочитал всего «Братьев Карамазовых» — дважды, — и у него было мнение. Но он не собирался его высказывать. Он вообще редко высказывал мнения.

— Кто-нибудь хочет возразить? — спросил профессор, обводя аудиторию взглядом.

На секунду стало тихо. Потом с последнего ряда поднялась рука.

— Я хочу.

Кирилл обернулся. Девушка — тёмные волосы, чёрная водолазка, глаза острые, как лезвие, — уже говорила, не дожидаясь разрешения.

— Достоевский — не национальная идея. Он — писатель. Он писал романы. Если мы будем читать его как «национальную идею», мы перестанем видеть в нём то, что он написал. Мы будем искать в нём то, что хотим найти, а не то, что там есть.

Профессор моргнул. Аудитория замерла.

— И что же там есть, по вашему мнению? — спросил он.

— Люди. Люди, которые страдают и не знают, как перестать. Люди, которые любят и не умеют. Люди, которые верят и сомневаются. Он писал не про Россию. Он писал про нас.

Кирилл смотрел на неё. Она говорила быстро, уверенно, будто уже думала об этом раньше — много раз, — и теперь просто достала готовое. Её звали Марина. Он узнал это, когда профессор, помолчав, сказал:

— Что ж. Марина Краснова. Смело. Возможно, спорно. Но смело.

Марина села. Она не улыбнулась — ни победно, ни довольно. Просто села и открыла тетрадь, будто ничего не произошло. Будто она каждый день говорила то, что думала, перед полной аудиторией.

Кирилл записал в тетрадь: «Достоевский — не национальная идея. Он писал про нас». Потом закрыл тетрадь и убрал в сумку.

Он не подошёл к ней в тот день. И на следующей неделе тоже. Он смотрел на неё — на семинарах, в коридорах, в столовой — и ничего не делал. Он не знал, что делать. Он умел быть рядом, не будучи замеченным, — и это было единственное, что он умел.

— —

Лёша Воронов появился в их группе в октябре 1997 года — на втором курсе. Он перевёлся из другого вуза, и на первом семинаре сел рядом с Кириллом, потому что других свободных мест не было.

— Воронов, — сказал он, протягивая руку. — Лёша.

— Кирилл.

— Ты всегда такой молчаливый?

— Не всегда.

— А сейчас?

— Сейчас — да.

Лёша засмеялся. У него был громкий, заразительный смех — такой, что люди оборачивались. Кирилл не обернулся, но улыбнулся.

Через неделю Лёша предложил собраться в study group — готовиться к экзаменам вместе. Кирилл согласился, потому что не видел причины отказаться. Марина согласилась, потому что хотела сдать на пять. Дима — потому что Лёша не отставал. Света — потому что Лёша заметил, что она всегда сидит одна, и пригласил её первым.

Света пришла на первую встречу с книгой под мышкой и села в углу. Она почти ничего не говорила, но когда говорила — попадала в точку. Однажды она сказала: «Достоевский писал о людях, которые не могут простить. Себя, не других». Все замолчали. Марина посмотрела на неё с уважением. Кирилл запомнил эту фразу.

— —

Вечер в декабре 1998 года у Лёши дома был первым, когда они собрались не ради экзаменов, а просто так. Квартира была большой — родители Лёши, оба врачи, получили её

ещё в восьмидесятые. В тот вечер они были на дежурстве, и Лёша включил свет во всех комнатах, чтобы не было так тихо. Книги лежали везде — на полках, на стульях, на полу.

— Я хочу прочитать вам стихи, — сказал он, когда все уже сидели с чаем.

— Ты пишешь стихи? — удивилась Марина.

— Пишу. Но никому не показываю.

— Почему?

— Потому что боюсь, что они плохие.

Он прочитал. Стихи были хорошие — не гениальные, но настоящие. Про осень, про одиночество, про людей, которые не умеют говорить о главном. Когда он закончил, стало тихо.

— Лёш, — сказала Света. — Это было…

— Плохо?

— Нет. Это было честно.

Кирилл достал блокнот — маленький, в клетку, который

он купил неделю назад. Он открыл первую страницу и записал: «Лёша читал стихи. Про осень. Про людей, которые не умеют говорить о главном». Потом добавил: «Он боится, что они плохие. Они не плохие».

Это была первая запись. Он не знал, зачем записывает. Просто записал.

Марина посмотрела на него через стол.

— Ты всегда что-то записываешь, — сказала она.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы помнить.

— Ты боишься забыть?

— Боюсь.

Она не спросила, что именно он боится забыть. Он не сказал.

— —

Весной 2000 года Марина и Дима начали встречаться. Это случилось не сразу и не вдруг — это случилось так, как случается всё важное: незаметно, по кусочкам, пока никто не смотрел.

Дима смешил её. Он всегда смешил — громко, быстро, перебивая сам себя. Но с Мариной он становился другим: тише, внимательнее, будто боялся, что если он будет слишком громким, она исчезнет. Он приносил ей кофе на семинары. Он провожал её до метро. Он говорил: «Ты знаешь, ты единственная, кто смеётся над моими шутками». Она смеялась. Она правда смеялась.

Кирилл видел это. Он записал: «Марина смеётся. Дима смешит её. Она смотрит на него так, будто он — ответ на вопрос, который она ещё не задала». Он не записал, что почувствовал. Он никогда не записывал, что чувствовал.

Лёша видел это тоже. Он ничего не сказал Кириллу. Он знал, что Кирилл не хочет говорить об этом. Он вообще не хотел говорить о Марине. Лёша это понимал — и молчал.

Света замечала больше, чем говорила. Когда Кирилл смотрел на Марину — а он смотрел на неё часто, — Света отводила глаза. Когда Марина смеялась над шутками Димы,

Света улыбалась, но как-то отдельно, будто наблюдая за сценой из зрительного зала. Она никогда не говорила об этом. Она просто была рядом.

— —

В июне 2001 года они окончили университет. Был тёплый день, солнце, белые рубашки, глупые фотографии. Они стояли на ступенях МГУ, все пятеро, и улыбались, потому что так было надо.

— Ну что, — сказал Лёша. — Теперь мы взрослые.

— Теперь мы безработные, — сказал Дима.

— Это одно и то же.

— Это разные вещи.

— Это одно и то же.

Они засмеялись. Кирилл записал: «Выпуск. Все смеются. Марина держит Диму за руку. Света стоит чуть в стороне. Лёша говорит, что мы теперь взрослые. Мы не взрослые. Мы просто закончили».

Потом они пошли в кафе — в первое кафе, где было свободно, — и просидели до вечера. Говорили о будущем: кто куда пойдёт работать, кто что будет делать, кто где будет жить. У всех были планы. У Кирилла был блокнот.

— Мы должны встречаться, — сказал Лёша, когда все уже собирались уходить. — Каждый год. Все вместе.

— Зачем? — спросил Дима.

— Потому что иначе мы потеряемся.

— Мы не потеряемся.

— Потеряемся. Все теряются. Это нормально. Но мы можем не теряться. Если будем встречаться.

Он сказал это так, будто предлагал что-то простое — как будто предлагал встречаться раз в год было так же легко, как договориться о встрече завтра. Но в его голосе было что-то ещё — что-то, что Кирилл услышал, но не записал. Что-то похожее на страх.

— Ладно, — сказала Марина. — Давайте.

— Давайте, — сказал Дима.

— Давайте, — сказала Света.

Кирилл кивнул. Он не сказал «давайте» — он просто кивнул. Этого было достаточно.

Но встретиться сразу не получилось. У одного — работа, у другого — диплом, у третьего — переезд. Лёша звонил, предлагал, откладывал. Прошёл год, потом другой. Только в октябре 2002 года он собрал их снова — и тогда это стало традицией.

— — Глава 3. Вторая встреча

Октябрь 2003 года был другим — не хуже и не лучше, просто другим. Москва уже сдалась осени, деревья стояли голые, и ветер гнал по улицам не листья, а пыль и обёртки от мороженого, которые никто не выбрасывал. Лёша Воронов любил эту погоду — не за красоту, а за честность. Осень не притворялась. Она говорила: скоро зима, готовься.

Лёша готовился с утра. Он мыл пол, хотя пол был чистый. Он протирал пыль с книжных полок, хотя пыль была невидимой. Он резал овощи для салата, хотя знал, что Марина не ест салаты — «слишком много травы», — а Дима ест всё, что положено на тарелку, потому что не любит, когда еда остаётся. Света ела мало, но всегда хвалила. Кирилл ел всё, но не говорил, вкусно или нет. Это было его особенностью: он мог съесть тарелку и не сказать ни слова. Лёша однажды спросил: «Тебе понравилось?» Кирилл ответил: «Я съел». Это был его способ сказать «да».

К семи часам квартира пахла чесноком и жареным мясом. Лёша включил свет во всех комнатах — не потому, что было темно, а потому, что не любил, когда в доме есть тёмные углы. Он поправил скатерть. Он переставил вазу с цветами — не потому, что она стояла криво, а потому, что не мог сидеть

без дела.

Звонок в дверь раздался без пяти семь. Кирилл.

— Ты рано, — сказал Лёша, открывая.

— На пять минут.

— Ты всегда на пять минут.

— Я пунктуальный.

— Ты предсказуемый.

Кирилл вошёл, снял пальто — то же серое, с потертыми локтями, — и повесил на крючок. Он всегда вешал пальто на крючок, а не на спинку стула, когда приходил в гости. Лёша не знал, почему. Может, привычка. Может, что-то ещё.

— Пахнет хорошо, — сказал Кирилл.

— Это мясо. Я старался.

— Ты всегда стараешься.

— Кто-то должен.

Кирилл прошёл в комнату, сел на диван — на то же место, где всегда сидел, — и достал блокнот. Лёша заметил, но ничего не сказал. Он давно перестал спрашивать, что Кирилл там пишет. Он знал: если Кирилл захочет, он сам скажет. А если не захочет — не скажет. Это было их негласное правило.

— Как работа? — спросил Лёша, возвращаясь на кухню.

— Нормально.

— Что-то интересное?

— Одна рукопись. Про женщину, которая уходит от мужа. Автор — мужчина. Он не понимает, почему она уходит. Он думает, что она уходит из-за него. А она уходит из-за себя.

Лёша выглянул из кухни.

— И что ты с этим делаешь?

— Редактирую. Пытаюсь объяснить ему, что женщина может уйти не потому, что муж плохой, а потому, что она несчастна. Это разные вещи.

— И он понимает?

— Нет. Но он соглашается. Это лучше, чем ничего.

Лёша хотел спросить что-то ещё, но в дверь позвонили. Марина и Дима — вместе. Они всегда приходили вместе с тех пор, как начали встречаться. Это было их привычкой, их способом сказать: мы — пара. Мы — одно.

Марина вошла первой. Она была в красном пальто — ярком, заметном, — и с кольцом на пальце. Лёша заметил кольцо сразу. Он всегда замечал всё сразу.

— Привет, — сказала она, целуя его в щёку. — Ты опять всё приготовил?

— Кто-то должен.

— Ты невыносим.

— Я знаю.

Дима вошёл следом — в куртке, которую он не снял сразу, потому что всегда забывал снять. Он шутил ещё с порога:

— Лёш, у тебя тут как в ресторане. Только официантов

не хватает.

— Я и есть официант.

— Ты и есть всё сразу. Хозяин, официант, повар. Тебе надо открыть заведение.

— Я подумаю.

— Подумай. Я буду ходить. Бесплатно.

— Ты и так ходишь бесплатно.

Дима засмеялся, снял куртку и бросил её на стул. Марина посмотрела на него — быстро, с лёгким раздражением, — и повесила куртку на крючок. Это была их привычка: она исправляла то, что он делал не так. Он делал вид, что не замечает.

Света пришла через пять минут. Она всегда приходила через пять минут после Марины — не потому, что опаздывала, а потому, что не хотела приходить первой. Она вошла тихо, сняла пальто, повесила на крючок — рядом с пальто Кирилла, — и прошла в комнату.

— Привет, — сказала она. — Извините, я опоздала.

— Ты не опоздала, — сказал Лёша. — Ты вовремя.

— Я думала, вы уже начали.

— Мы ждём тебя.

Она села рядом с Кириллом. Не слишком близко, но и не далеко. Просто рядом. Кирилл кивнул ей, она кивнула в ответ — и всё. Но Лёша заметил, что Кирилл чуть отодвинулся, чтобы ей было удобнее. Света этого не заметила. Или сделала вид.

— —

Ужин был шумным. Дима рассказывал, как он придумал рекламу для новой марки кофе — «не кофе, а состояние», — и как начальник сказал, что это гениально, хотя на самом деле это было не гениально, а просто нормально. Марина рассказывала про автора, который требовал, чтобы его роман напечатали без единой правки, потому что «так задумано». Лёша рассказывал про школу, про детей, которые не читают, и про то, как он однажды заставил весь класс прочитать «Тимура и его команду», и они потом играли в тимуровцев на переменах.

Кирилл слушал. Он всегда слушал. Он ел молча, но ино-

гда улыбался — уголком рта, коротко, — и этого было достаточно, чтобы Лёша понял: ему хорошо.

Света тоже слушала. Она сидела рядом с Кириллом, ела мало и иногда вставляла что-нибудь точное. Когда Дима сказал, что его начальник — «гений», она тихо заметила: «Или просто человек, который умеет говорить „да“». Все засмеялись. Дима посмотрел на неё с уважением. Марина — с любопытством. Кирилл — с чем-то, что Лёша не смог расшифровать.

— Ладно, — сказала Марина, когда все уже доели. — Я должна вам кое-что показать.

Она положила руку на стол — ладонью вниз. На безымянном пальце блестело кольцо. Тонкое, серебряное, с маленьким камнем. Не вызывающее. Просто кольцо.

— Мы решили, — сказала она. — Не сейчас. Через несколько лет. Когда всё устроится. Но решили.

Тишина длилась секунду. Потом Лёша вскочил и обнял её.

— Наконец-то! — сказал он. — Я думал, вы будете тянуть до пенсии.

— Мы не тянули, — сказала Марина. — Мы ждали.

— Чего?

— Подходящего момента.

— Момент — это когда ты решаешь, что он подходящий.

Дима засмеялся. Он сидел рядом с Мариной, но не обнял её, не взял за руку. Он улыбался — широко, как всегда, — но как-то растерянно, будто не знал, куда деть руки. Может, от неожиданности. Может, от чего-то ещё.

— Поздравляю, — сказал Кирилл. Он сказал это ровно, без эмоций. Но Лёша заметил, как он сжал ручку блокнота — чуть сильнее, чем нужно.

— Спасибо, — сказала Марина. Она посмотрела на него — долго, внимательно. Он не отвёл глаз. Между ними что-то прошло — невидимое, как ток. Лёша это почувствовал. Света, кажется, тоже — она вдруг стала очень внимательно рассматривать свою салфетку.

— А ты что молчишь? — спросила Марина у Димы.

— Я не молчу. Я думаю.

— О чём?

— О том, что я женюсь на самой красивой женщине в Москве.

Он сказал это громко, с улыбкой. Все засмеялись. Но Лёша заметил, что улыбка у Димы была чуть шире, чем нужно, а голос — чуть громче, чем обычно. Дима всегда шутил громче, когда нервничал. Лёша знал это. Он знал это много лет.

— —

После ужина они перешли в гостиную. Лёша заварил чай, Дима достал виски, который принёс с собой, Марина села в кресло — она всегда садилась в кресло, потому что любила чувствовать себя в центре, — а Кирилл остался на диване. Света села рядом с ним. Опять рядом.

— А помните, — сказал Дима, — как мы в универе ходили в столовую, и там были котлеты, которые никто не мог есть, кроме Кирилла?

— Я их не ел, — сказал Кирилл.

— Ты их ел. Я видел.

— Я их пробовал. Это разные вещи.

— Ты их ел. И говорил, что они «нормальные». Нормальные! Это были не котлеты, а наказание.

— Они были нормальные.

— Они были ужасные.

— Они были нормальные.

— Ты всегда так говоришь, когда не хочешь спорить.

— Я всегда так говорю, когда это правда.

Марина засмеялась — громко, искренне. Она смеялась так, будто в ней что-то отпускало. Лёша любил этот смех. Он любил, когда она смеялась. Она смеялась редко — по-настоящему редко, — и каждый раз это было как подарок.

Но когда Дима отвернулся, чтобы налить себе ещё, её улыбка погасла. Не исчезла — просто стала другой. Как будто свет внутри выключили. Она смотрела в окно — на тём-

ную улицу, на редкие огни, — и Лёша увидел на её лице что-то, чего не видел раньше. Не грусть. Что-то глубже. Что-то, что она прятала.

Он не сказал ничего. Он не знал, что сказать.

Кирилл тоже это заметил. Он достал блокнот и что-то записал. Лёша не видел что. Но он знал: если Кирилл записывает — значит, это важно. Кирилл никогда не записывал ерунду.

— Кирилл, ты опять? — спросила Марина, оборачиваясь.

— Да.

— Что ты там пишешь?

— Всякое.

— Ты всегда говоришь «всякое».

— Потому что это всякое.

— Ты скрываешь.

— Я не скрываю. Я просто не показываю.

— Это одно и то же.

— Это разные вещи.

Она посмотрела на него — долго, внимательно. Он не отвёл глаз. Лёша снова почувствовал это — ток между ними, — и снова сделал вид, что не заметил. Света тоже сделала вид. Она смотрела на чашку с чаем, как будто там было что-то очень важное. Дима налил себе ещё виски и выпил залпом.

— —

В одиннадцать часов Марина сказала, что пора. Дима сказал, что проводит её. Она сказала, что не нужно. Он сказал, что нужно. Она сказала, что он пьян. Он сказал, что не пьян. Она сказала, что он всегда так говорит. Он сказал, что она всегда так говорит. Они вышли вместе, споря.

Света надела пальто, попрощалась и вышла следом. Кирилл остался сидеть. Лёша тоже.

— Ты не идёшь? — спросил Лёша.

— Сейчас.

— Ты всегда говоришь «сейчас».

— Потому что это правда.

Лёша сел напротив него. Кирилл смотрел в блокнот. Что-то писал.

— Ты счастлив за них? — спросил Лёша.

Кирилл поднял глаза. Он не удивился вопросу. Он вообще редко удивлялся.

— За кого?

— За Марину и Диму. Они женятся.

— Да. Счастлив.

— Ты говоришь это как-то не очень счастливо.

Кирилл закрыл блокнот. Положил в карман. Посмотрел в окно. За стеклом было темно, и шёл дождь — мелкий, осенний, безнадёжный.

— Я счастлив, — сказал он. — Просто я не умею это показывать.

— Ты умеешь. Ты просто не хочешь.

Кирилл ничего не ответил. Он встал, надел пальто — то же серое, с потертыми локтями, — и пошёл к двери.

— Спасибо за ужин, — сказал он.

— Я всегда готовлю.

— Знаю. Спасибо.

Он вышел. Лёша остался один. Он посмотрел на стол — на пустые тарелки, на чашки, на салфетки, которые кто-то скомкал, — и вдруг почувствовал что-то, чего не чувствовал раньше. Не грусть. Не тревогу. Что-то среднее. Как будто он стоял на пороге чего-то, что ещё не началось, но уже было неизбежным.

Он начал убирать со стола. Он всегда убирал со стола — не потому, что не мог оставить грязную посуду, а потому, что не мог сидеть без дела. Пока он убирал, он думал. О Марине — как она смотрела в окно. О Диме — как он пил. О Кирилле — как он записывал. О Свете — как она молчала.

Он думал о том, что все они что-то скрывают. Он не знал

что. Но он знал, что это есть. И он знал, что рано или поздно это выйдет наружу.

— —

Кирилл стоял на остановке, ждал автобус. Блокнот лежал в кармане. Он не доставал его. Он думал о Марине — как она сказала: «Не сейчас. Через несколько лет. Когда всё устроится». Он думал о Диме — как он молчал, когда все поздравляли. Он думал о Лёше — как он суетился весь вечер, как будто боялся, что если он остановится, всё рассыплется.

Автобус пришёл. Кирилл сел у окна. Он достал блокнот и записал: «Она сказала: „Мы решили“. Она улыбалась. Но когда Дима отвернулся, улыбка стала другой. Я не знаю, что это значит. Я записываю, чтобы потом понять».

Он закрыл блокнот. Посмотрел в окно. За стеклом проплывали огни — жёлтые, белые, красные. Он не видел их. Он видел Марину — как она смотрела в окно. Как будто искала что-то, чего там не было.

— —

Света шла пешком. Она жила недалеко — можно было дойти за двадцать минут, — и она всегда ходила пешком, ко-

гда возвращалась с этих встреч. Ей нужно было время, чтобы подумать. Или чтобы перестать думать. Она не знала, что из этого.

Она видела, как Кирилл сел в автобус. Она стояла на другой стороне улицы и смотрела, как автобус уезжает. Она не окликнула его. Она не пошла за ним. Она просто стояла и смотрела, пока автобус не скрылся за поворотом.

Потом она пошла домой. Дождь усилился. Она не раскрыла зонт. Она любила дождь — не за романтику, а за то, что он смывал всё лишнее. В дожде нельзя было притворяться. В дожде все были одинаковыми — мокрыми, спешащими, живыми.

Дома она села на кухне, налила себе чаю и открыла тетрадь. Она писала — не каждый день, но часто. Не стихи, как Лёша. Не блокнот, как Кирилл. Просто записи. Просто мысли. Просто то, что она не могла сказать вслух.

Она написала: «Сегодня Марина показала кольцо. Она счастлива. Она не счастлива. Я не знаю, что из этого правда. Кирилл записывал. Он всегда записывает, когда что-то не так. Он думает, что никто не замечает. Я замечаю. Я всегда замечаю. Но я ничего не говорю. Почему я ничего не говорю?»

Она закрыла тетрадь. Посмотрела в окно. Дождь стучал по стеклу — тихо, ритмично, как метроном. Она сидела и слушала. Она не знала, что будет дальше. Но она знала, что что-то будет. Что-то, что изменит всё. Она чувствовала это — как чувствуют приближение зимы по первому холоду. Ещё не зима. Но уже не осень.

— — Глава 4. Блокнот

Ноябрь 2003 года пах мокрым снегом и типографской краской. Кирилл Соловьёв работал в издательстве «Время» на Пятницкой — в старом здании с высокими потолками и лепниной, которую никто не ремонтировал с советских времён. Кабинет он делил с двумя коллегами, но приходил раньше всех — в половине девятого, когда в коридорах ещё горел только дежурный свет, — и садился за рукопись. Утро было его временем. Никто не звонил, никто не заглядывал в дверь с вопросом «есть минутка?», никто не просил срочно посмотреть текст, который «нужно сдать вчера».

Он читал медленно. Он всегда читал медленно — не потому, что не умел быстро, а потому, что считал: если текст стоит того, чтобы его издавать, он стоит того, чтобы его прочитать внимательно. Рукописи, которые ему приносили, были разными: одни — хорошие, но сырые, другие — гладкие, но пустые. Он правил и те, и другие. Он не спорил с авторами. Он просто делал свою работу.

В тот день ему принесли роман — толстый, на четыреста страниц, — про женщину, которая уходит от мужа. Автор был мужчина, лет сорока, с бородкой и уверенностью, что он понимает женщин лучше, чем они сами. Кирилл прочи-

тал первые пятьдесят страниц и понял: автор не понимает никого. Он описывал женщину так, как описывают мебель: красивая, но неудобная.

Кирилл сделал пометку на полях: «Она уходит не от него. Она уходит от себя. Попробуйте написать это». Потом закрыл рукопись и отложил в сторону. Он не знал, поймёт ли автор. Но он хотя бы попытался.

— —

Домой он вернулся в семь. Квартира на Пресне была маленькой — две комнаты, кухня, коридор, — и заставлена книгами так плотно, что стены были видны только фрагментами. Мать сидела на кухне, пила чай и проверяла тетради. Она была учительницей литературы — всю жизнь, тридцать лет, — и даже дома не могла перестать быть ею.

— Ты поздно, — сказала она, не поднимая глаз.

— Пробки.

— Ты всегда говоришь «пробки».

— Потому что это правда.

Она подняла глаза — серые, усталые, но острые. Она всегда смотрела так, будто видела насквозь. Может, и видела.

— Суп на плите, — сказала она. — Разогрей.

Кирилл разогрел суп. Он ел молча. Мать проверяла тетради. Между ними была тишина, которая не была неловкой, — это была тишина людей, которые знают друг друга слишком хорошо, чтобы заполнять паузы словами.

— Как работа? — спросила она.

— Нормально.

— Что-то интересное?

— Рукопись. Про женщину, которая уходит от мужа.

— Хорошая?

— Плохая. Но автор старался.

— Ты всегда говоришь «старался», когда хочешь сказать «плохо».

— Потому что это правда.

Она усмехнулась — коротко, уголком рта. Так же, как Кирилл. Он не знал, унаследовал ли он эту усмешку от неё или она от него. Может, и то, и другое.

— Как Лёша? — спросила она.

— Нормально.

— Ты всегда говоришь «нормально».

— Потому что это правда.

— Ты виделся с ними? С друзьями?

— В октябре. Мы собирались.

— Как они?

— Хорошо. Марина выходит замуж. Дима женится на ней.

Мать отложила ручку. Она смотрела на него — долго, внимательно, как смотрела на своих учеников, когда те говорили что-то, что требовало разбора.

— А ты? — спросила она.

— Что я?

— Ты когда-нибудь женишься?

— Нет.

— Почему?

— Потому что не хочу.

— Ты не хочешь или не можешь?

Кирилл не ответил. Он доел суп, встал и поставил тарелку в раковину. Мать не стала настаивать. Она знала, что если он не хочет говорить, он не будет. Это было их общее — не говорить о том, что болит.

— —

С Аней он познакомился в мае 2003 года — за полгода до того вечера, когда мать спросила его о молчании. Она пришла в издательство — новый редактор, только после университета, с горящими глазами и папкой, в которой лежали три перевода, которые она хотела предложить. Кирилл посмотрел переводы. Они были хорошие — не блестящие, но хоро-

шие. Он сказал ей об этом. Она обрадовалась так, будто он подарил ей весь мир.

Они начали обедать вместе. Потом — гулять после работы. Потом — встречаться. К октябрю 2003 года они были вместе уже несколько месяцев. Аня была умной, смешливой, лёгкой. Она не требовала от него слов, которых он не мог сказать. Она просто была рядом — и ему было хорошо.

Но чем дольше они встречались, тем чаще он ловил себя на том, что думает о другом. Когда Аня смеялась, он думал: «Марина смеётся иначе». Когда Аня говорила о книгах, он думал: «Марина сказала бы это точнее». Он не сравнивал их — он просто не мог перестать думать о той, другой. Это было несправедливо. И к Ане, и к нему.

В феврале 2004 года Аня сказала:

— Ты всегда где-то ещё.

— Что?

— Ты здесь, но тебя нет. Ты слушаешь, но не слышишь. Ты смотришь на меня, но видишь кого-то другого.

Кирилл молчал. Он не мог сказать «нет», потому что это была правда. Он не мог сказать «да», потому что это было

бы жестоко.

— Я не хочу быть заменой, — сказала она.

— Ты не замена.

— Тогда кто я?

Он не ответил. Он не знал. Он вообще мало знал о том, кто он и что он чувствует. Он умел записывать чужие жизни. Свою он не умел даже описать.

Она ушла. Он не остановил её. Он записал: «Аня ушла. Она сказала: „Ты всегда где-то ещё“. Она права».

— —

А за два месяца до того, как Аня сказала ему эти слова, — в декабре 2003 года — Кирилл сидел дома и перечитывал записи за год. Он не часто это делал — обычно блокнот был для настоящего, не для прошлого. Но в тот вечер ему было особенно тихо. Мать ушла к соседке. За окном шёл снег — первый по-настоящему зимний снег, — и улица стала белой и чистой, как будто её вымыли.

Блокнот он начал в декабре 1998 года — в тот вечер, ко-

гда Лёша читал стихи. Он не планировал вести его постоянно. Он просто записал — сначала одну фразу, потом другую. Потом это стало привычкой.

Правила были простыми, хотя он никогда не формулировал их вслух:

Записывать чужие слова. Он записывал цитаты — точные, дословные. Не потому, что хотел их сохранить, а потому, что они были важны. Люди говорят много, но запоминается только то, что сказано вовремя.

Записывать детали. Кто что заказал, кто опоздал, кто кому улыбнулся, кто как выглядел. Он записывал мелочи, потому что мелочи — это то, из чего складывается жизнь. Крупные события все помнят. Мелочи забываются. Он не хотел, чтобы они забывались.

Не называть свои чувства. Это было главное правило — но не запрет. Он мог записать: «Я не знаю, что это значит». Мог записать: «Я устал». Мог даже записать вопрос: «Почему я не могу сказать то, что думаю?» Но он не мог написать: «Мне больно». Не потому, что запрещал себе, а потому, что не умел. Чувства были слишком близко, чтобы их называть. Он писал о других — об их словах, их жестах, их молчании. Свои чувства он оставлял при себе, как оставляют вещь, ко-

торую некуда положить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.